

Патриция Вентворт
Кинжал из слоновой кости
Найо Марш
Смерть на водах
Мери Р. Райнхарт
Загадка губной помады
Алиби для Изабеллы
М.: СП «Квадрат», 1993

СОДЕРЖАНИЕ

- Н. Венгворт**
КНИЖКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ 3
Перевод с английского Н. Маньков
- Н. Марш**
СМЕРТЬ НА ВОДАХ 211
Перевод с английского Н. Калинин
- М. Р. Райсхарт**
ЗАГАДКА ГУБНОЙ ПОМАДЫ 365
Перевод с английского Р. Вобровой
- М. Р. Райсхарт**
АЛИБИ ДЛЯ ИЗАБЕЛЛЫ 392
Перевод с английского Р. Вобровой

Мери Р. Райнхарт
**ЗАГАДКА
ГУБНОЙ ПОМАДЫ
АЛИБИ
ДЛЯ ИЗАБеллы**

ЗАГАДКА ГУБНОЙ ПОМАДЫ

После коронерского дознания¹ я пошла домой пешком. Мама поехала вперед на машине. Вид у нее был осунувшийся — собственно говоря, так она выглядела с тех пор, как умерла Элинора. Не то чтобы она очень любила Элинору. У нее были твердые взгляды на жизнь, и всех людей она делила на тех, кто следует правилам, и тех, кто ими пренебрегает. Первые оплачивают счета за квартиру первого числа каждого месяца, регулярно ходят в церковь — разумеется, епископальную, никогда не попадают на страницы газет, кроме раздела «Светская жизнь», и считают брак идеальным состоянием каждого существа женского пола, достигшего двадцати лет.

Моя двоюродная сестра Элинора пренебрегала всеми этими правилами. Жизнь для нее была сплошным развлечением, и каждое утро, просыпаясь, она начинала придумывать, как повеселее провести день. Потягиваясь всем телом под шелковыми простынями — как возмущалась мама этими простынями! — она кричала Фреду, брившемуся у себя в туалетной комнате:

— Послушай, Фред, давай сегодня пригласим гостей на коктейль!

— Как скажешь, дорогая.

Так было всегда. Фред был согласен на все, что бы ни предложила Элинора. Он обожал ее. По дороге домой с дознания я вспомнила, какое у него было лицо. Как будто он не понимал, что происходит.

— Известны ли вам какие-нибудь обстоятельства, которые могли побудить вашу... миссис Хеммонд к самоубийству?

— Нет, не известны.

¹ Предварительное дознание, проводимое в случае внезапной или насильственной смерти специальным должностным лицом — коронером — с участием присяжных. (Прим. пер.)

— Как у нее было со здоровьем? Ее что-нибудь беспокоило?

— Нет. Она была совершенно здорова.

— Однако она проходила курс лечения у доктора Барклея?

— Она переутомилась, поэтому и обратилась к психотерапевту, — неохотно проговорил Фред.

Однако факт оставался фактом: Элино́р или упала, или бросилась из окна приемной доктора Барклея на десятом этаже, и коронер явно склонялся к версии самоубийства. Доктор Баркле́й в тот день не успел ее принять и вообще ее не видел. Ее видела только его секретарша.

— Больше в приемной никого не было, — показала она на дознании. — Доктор был занят с пациенткой. Миссис Хеммонд села у окна и сняла шляпку. Потом закурила сигарету и взяла со столика журнал. Я ушла к себе — мне надо было переписать несколько историй болезни. Больше я ее не видела до тех пор, пока...

Секретарша была молоденькая хорошенькая девушка с бледным испуганным лицом.

— Расскажите, что было дальше, — мягко сказал коронер.

— Минут через пять я услышала, что пациентка вышла из кабинета доктора Барклея. Там есть дверь, которая ведет прямо в коридор. Мы специально так организовали, чтобы ... в общем, чтобы пациенты не встречались друг с другом. Затем доктор позвонил, чтобы япустила к нему следующего. Я пошла в приемную сказать миссис Хеммонд, что доктор ее ждет. Но ее там не было. На столике лежала только шляпка. Я решила, что она пошла в туалет. И тут, — секретарша замолчала и судорожно глотнула. — Тут я услышала крики на улице и посмотрела в окно...

Коронер не торопил ее. Она вынула платочек и вытерла глаза.

— Какое у нее, по-вашему, было настроение? Она не показалась вам подавленной, мисс Комингс?

— Она показалась мне очень веселой.

— Окно, возле которого она села, было раскрыто?

— Да. Я просто не могла в это поверить, пока...

Коронер сказал свидетельнице, что она свободна. У нее из глаз ручьем лились слезы, и было ясно, что больше она ничего не знает.

Затем вызвали доктора Барклея. Я очень удивилась, увидев его. Я ожидала увидеть пожилого человека, но ему было явно меньше сорока, и это был весьма привлекатель-

ный мужчина. Зная характер Элино́р, я подумала, не было ли у нее с ним чего-нибудь. Она обожала красивых мужчин. Правда, ее муж Фред никак не мог похвастаться своей внешностью. Мама, увидев доктора, негодуяще фыркнула.

— Все ясно, — сказала она. — Ей так же был нужен психотерапевт, как мне третья нога.

Доктор мало что мог добавить к тому, что мы уже знали. Он вообще в тот день не видел Элино́р. Когда он нажал кнопку звонка и никто не пришел, он пошел в приемную. Мисс Комингс как раз выглянула в окно. Вдруг она начала жутко кричать. К счастью, в эту минуту появилась некая миссис Томпсон и взялась ее успокаивать. Доктор Баркле́й спустился вниз. Уже прибыла скорая помощь.

До этого момента он охотно отвечал на все вопросы. Но когда его спросили, почему миссис Хеммонд обратилась к нему за помощью, он отделался общими словами:

— Таких пациентов, как миссис Хеммонд, у меня много. Женщины, страдающие нервным переутомлением. Миссис Хеммонд много лет жила под большим нервным напряжением.

— Только и всего? А конкретных жалоб у нее разве не было?

Он усмехнулся.

— У нас у всех есть жалобы. Некоторые из них — плод нашего воображения, некоторые преувеличены, а некоторые — вполне реальны. Но я бы сказал, что миссис Хеммонд отличалась чрезвычайно устойчивой психикой. Я посоветовал ей поехать куда-нибудь отдохнуть. По-моему, она так и собиралась сделать.

Он говорил в бесстрастной манере врача. Если он и нравился Элино́р, похоже, что влечение не было взаимным. Однако Фред не спускал с него глаз.

— У вас не было впечатления, что она может совершить самоубийство?

— Нет. Никогда.

Больше из него ничего вытянуть не удалось. Он отказался распространяться на тему о том, что именно Элино́р воображала или преувеличивала. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы человек так ловко уходил от ответов на вопросы. Он сказал, что не имеет права разглашать тайны, поведенные ему пациентами. Если бы он знал что-нибудь, проливающее свет на дело, он бы сообщил об этом суду, но он ничего такого не знает.

Когда окончился допрос доктора, мама толкнула меня локтем.

— Наверно, он был в нее влюблен, — сказала она.

Доктор Барклей сел неподалеку от нас, достал сигареты, но раздумал закуривать и принялся слушать показания следующего свидетеля. Это была миссис Томпсон, та самая, которая успокаивала секретаршу, когда у той началась истерика. Она резко выделялась среди родственников и друзей Элинора. Это была крупная женщина с добрым лицом. По лбу у нее струился пот, и она непрерывно обмахивалась маленьким веером.

Она сразу заявила, что не является пациентом доктора Барклея.

— Я прихожу туда раз в неделю убирать, — сказала она. — У него есть слуга-японец, но уборкой он не занимается. Я хотела попросить у него немного денег в аванс, поэтому и пошла туда в неурочное время.

Она не сразу прошла к доктору, а сначала заглянула в приемную и увидела там Элинора. Тогда она решила подождать в коридоре, где было прохладнее. Она видела, как предыдущая пациентка вышла из кабинета и вызвала лифт. А через минуту-другую послышался крик секретарши.

— Она лежала на подоконнике, глядя вниз, и кричала, — сказала миссис Томпсон. — Потом прибежал доктор, и мы положили ее на кушетку. Она говорила, что кто-то выпал из окна, но не сказала кто.

На вопрос, как долго она стояла в коридоре, миссис Томпсон ответила, что, наверно, минут пятнадцать. Никаких других пациентов не приходило. Она бы их увидела.

— Вы в этом уверены?

— Ну а как же. Я ждала, когда доктор останется один и я смогу к нему зайти, так что я бы никого не пропустила. Да и стояла-то совсем рядом с дверью.

— Вы, кажется, нашли в приемной что-то, принадлежавшее миссис Хеммонд?

— Да, я нашла ее сумочку.

Сумочка, оказывается, была под окном за батареей.

— Мне самой показалось странным, что, если она собиралась... ну, сделать то, что она сделала, зачем было совать сумочку за батарею? — И миссис Томпсон наивно добавила: — Я отдала сумочку полиции.

Таким образом, Элинора, положив шляпку на столик, сунула сумочку за батарею и затем выбросилась из окна. Мне казалось, что этого просто не могло быть.

Суд вынес вердикт: самоубийство при временном помрачении рассудка. Под окнами была батарея, и упасть за окно случайно не представлялось возможным. Слово «убийство»

вообще не было произнесено. Учитывая показания миссис Томпсон, оно просто исключалось. Фред выслушал вердикт, словно не понимая, что там говорится. Его сестра Маргарет, сидевшая рядом с ним, поднялась с места. Доктор Барклей смотрел прямо перед собой, как будто отрешившись от окружающего. Затем он встал и вышел из зала суда, и, когда мы с мамой подошли к нашей машине, я видела, как он отъехал. На лице его по-прежнему было это странное отрешенное выражение.

Я шла домой, кипя от ярости. Мне всегда нравилась Элинора, несмотря на то, что она, как довольно вульгарно выразилась мама, выхватила у меня из-под носа Фреда. Что верно, то верно — после того, как он познакомился с Элинорой, Фред просто забыл о моем существовании. Он влюбился в нее по уши с первой встречи.

Идиоты! — внутренне кричала я. — Да чтоб Элинора стала выбрасываться из окна! Даже если бы ей вздумалось покончить с собой, она сделала бы это иначе. Есть столько менее страшных способов: Снотворное, пистолет Фреда или хотя бы выхлопные газы ее новенькой машины. Но я вообще отказывалась верить, что она покончила с собой. Ей было плевать, что о ней судачат. Я вспоминала нашу предпоследнюю встречу. Ее позвали на вечеринку под девизом: «Подавленное желание», и она отправилась туда в белом платье, на которое она нашла громадную красную букву «П»!

Когда мама ее увидела, она так и взвилась.

— Элинора, — сказала она, — надеюсь, эта красная буква не означает того, что первое приходит в голову?

Элинора рассмеялась:

— А вы как думаете, тетя Эмма? Вы можете поклясться на Библии, что никогда в жизни...

— Придержи язык, Элинора, — оборвала ее мама. — Остается благодарить Бога, что сестра не дожила до того, чтобы это увидеть.

Элинора страшно веселилась в тот вечер, и стычка с мамой ее ничуть не расстроила. Наоборот. Наверно, поэтому-то она мне и нравилась. Чихать хотела на маму и на ее выговоры. А что ей? Она не была единственной дочерью, которая живет дома с матерью и находится от нее в полной финансовой зависимости. Элинора вносила радость и веселье в мой маленький мирок. Если за ней и ухаживали — а мужчины, конечно, без конца в нее влюблялись, — то дело

¹ Прелюбодеяние. (Прим. пер.).

никогда не заходило дальше легкого флирта, хотя мама упорно отказывалась этому верить.

Когда я наконец добралась домой, мама пила чай. Посмотрев на меня неодобрительным взглядом, она сказала:

— Не понимаю, почему тебя это так волнует, Луиза. На тебе лица нет. Сделанного не воротись. В конце концов Фред был с ней ужасно несчастлив.

— Фред был счастливейшим из людей. И я не верю, что она выбросилась из окна.

— Тогда упала.

— Я и в это не верю.

— Какой вздор! Во что же ты веришь?

Но мне надоело с ней препираться, и, круто повернувшись, я вышла из комнаты и пошла к себе. Я не хотела слушать, как отвратительно я выгляжу — я и сама это знала. Я села за туалетный столик и втерла в лицо немного крема. В голове у меня в беспорядке роились мысли. Кто-то убил Элинора и сумел избежать подозрения. Но кто мог ее так ненавидеть? Ревнивая жена? Возможно. Элинора имела обыкновение играть с чужим мужем, как кошка с мышью, пока он ей не надоедал. Но в последнее время ничего такого не было. По правде говоря, в последнее время она как-то притихла.

Разумеется, многие ее терпеть не могли. Она совершенно не считалась с чужими чувствами, даже частенько смеялась над ними. Но нарочно она никогда никого не обижала. Просто говорила, что думала, и порой это было не очень приятно. Даже Фреду. Ни он ни на что не обижался. Он не мог на нее обижаться.

Из окна мне был виден дом Хеммондов, и мне было невыносимо представить себе Фреда, сидящего там в полном одиночестве. Вообще-то я никогда не была в него влюблена, хотя мама очень на это надеялась. Я переделалась и вышла к обеду, но мама еще не простила мне моих возражений. К тому же еда не лезла мне в горло. К счастью, в этот день у мамы собирались ее приятельницы поиграть в бридж, и, когда они уселись за ломберный столик, я улизнула в кухню. Наша повариха Энн делала сэндвичи и резала кекс.

— С ума сойти, сколько эти старухи едят, — сердито сказала она.

Я попросила ее сказать, если меня хватятся, что я пошла спать, и отправилась к Хеммондам. Их дом стоял посреди сада, как и наш. Я вошла в ворота и пошла по асфальтовой дорожке, ведущей к подъезду. Перед домом стоял какой-то

мужчина и смотрел на окна. Услышав мои шаги, он круто обернулся, и я узнала доктора Барклея.

Но он меня не узнал. Он, наверно, даже не видел меня в зале суда. Он прикоснулся к шляпе и пошел к выходу, и минутой позже я услышала, как отъезжает его автомобиль. Заходил ли он в дом? Фред мне об этом ничего не сказал. Он сам открыл мне дверь и, увидев меня, вздохнул с облегчением.

— Я уж думал, что это опять чертова полиция, — сказал он. — Заходи. Слуги легли спать. Они здорово вымотались.

Мы пошли в библиотеку. Там, казалось, не убирались целый месяц. Элинора не особенно заботилась о чистоте: у нее в доме вечно толпился народ, клубами висел дым, стояли немытые бокалы. Но по крайней мере у дома был жилой вид. А сейчас — сейчас вид был нежилой. Я с удивлением увидела на столе сумочку Элинора.

— Полиция вернула ее, — сказал Фред, перехватив мой взгляд. — Выпить хочешь?

— Налей виски. А можно я в нее загляну, Фред?

— Смотри, — безжизненным голосом отозвался он. — Там нет ничего такого. Записки, во всяком случае, нет.

Я открыла сумочку. Как всегда она была набита битком: пудреница, румяна, кошелек для мелочи, отделение, застегнутое молнией, где лежало несколько банкнот, маленькая записная книжка, носовой платок со следами губной помады, крошечный флакончик духов, несколько образцов материала на платке с приколотой к ним бумажкой, на которой было написано «подобрать туфли». Фред молча смотрел на меня, держа в руке бокал.

— Я же тебе сказал — ничего нет.

Я опять перебрала содержимое сумочки. Но так и не нашла предмет, который должен был там быть. Закрыв сумочку, я положила ее на стол. Фред уже не обращал на меня никакого внимания. Он смотрел на фотографию Элинора в серебряной оправе, которая стояла у него на письменном столе.

— Роятся, роятся, — проговорил он. — Оставили бы ее в покое. Сейчас она спит, а раньше никогда не высыпалась. Какая она была красивая, правда, Лу?

— Да, очень, — искренне ответила я.

— Чего только про нее не болтали. Маргарет считала ее глупой транжиркой.

Фред глянул на край стола, где лежала груда нераспечатанных конвертов — судя по всему, неоплаченные счета. Может, она и была транжиркой — меня это не волновало.

Он вперился в меня измученными глазами, как будто ожидая, что я что-то скажу в ответ. И я сказала:

— Тебе не было нужды покупать ее любовь, Фред. Она была тебе верной женой.

Он слабо улыбнулся, как ребенок, которому сказали, что никакого буки нет.

— Это правда, Лу. Я был ей не только мужем. Я был ей как отец. Она мне все рассказывала. И зачем она ходила к этому шарлатану?

— А ты разве не знал, что она к нему ходит?

— Не знал, пока он не прислал мне счет. Я ей сказал, что сам мог бы прописать ей поездку на курорт — для этого не надо было часами исповедоваться этому щенку. Но она только рассмеялась.

Фред говорил и говорил — видимо, он был рад, что у него нашелся слушатель. По его словам, Элинора была с ним счастлива. Иногда ее заносило в сторону, но она всегда к нему возвращалась. И она никогда в жизни не покончила бы с собой.

— Она упала нечаянно. Она всегда была неосторожна.

Он еще не решил, что делать дальше. Пока с ним поживет Маргарет. Стоило ему произнести ее имя, как Маргарет, старшая сестра Фреда, высокая угловатая женщина вошла в комнату. Она ограничилась кивком в мою сторону — мы всегда чувствовали друг к другу взаимную неприязнь.

— Я решила приехать прямо сегодня, — сказала она. — По-моему, тебе не следует оставаться одному. Завтра я займусь составлением описи имущества. Ты отдашь мне папин портрет, Фред?

Фред нахмурился. После его женитьбы у него с Маргарет много лет тянулся спор из-за портрета их отца, старого Джо Хеммонда. Элинора этот портрет совсем не был нужен, но раз Маргарет хотела его заполучить, то она не отдавала. Я взглянула на Маргарет. Пожалуй, если у Элиноры и был враг, то это Маргарет. Она с самого начала была против этого брака и возмущалась мотовством и беспечностью Элиноры. Даже сейчас она не удержалась от намека на это, взглянув на стол, заваленный неоплаченными счетами:

— И со счетами разберусь. Надо же знать, сколько ты должен.

— Я знаю, сколько я должен.

Фред встал, и они вызывающе вперились друг в друга. Фред стоял спиной к письменному столу, как будто прикрывая Элинору от враждебного любопытства Маргарет.

Она пожала плечами и отвернулась. Уходя из их дома, я подумала, что она наверняка проведет ночь за этим письменным столом. Когда Фред наконец забудется утомленным сном, Маргарет спустится вниз, сядет за стол и, может быть, найдет счет доктора Барклея и покажет его утром Фреду.

— Вот куда шли твои денежки!

На улице было тепло. Я медленно пошла домой, надеясь, что бридж еще не закончился. Но, видно, мне в ту ночь были суждены неожиданные встречи. На полпути к дому я почувствовала, что кто-то тихо идет вслед за мной. Мне стало жутко. Я остановилась и оглянулась. Но это была всего-навсего девушка. Когда я остановилась, она остановилась тоже. Потом подошла ко мне и сказала:

— Вы ведь мисс Баринг, правда?

— Да. Вы меня чуть не до смерти напугали.

— Простите. Я вас видела сегодня в зале суда, и один репортер сказал мне, как вас зовут. Вы ведь были у Хеммондов?

— Да. Ну и что?

Она теребила в руках сумочку, словно не могла на что-то решиться.

— Вы дружили с миссис Хеммонд? — наконец спросила она.

— Она была моей двоюродной сестрой. А что?

По-видимому, к этому времени она пришла к какому-то решению, достала из сумочки сигарету, закурила и сказала:

— Дело в том, что, по моему мнению, ее вытолкнули из окна. Я служу в конторе, расположенной на противоположной стороне улицы, и в этот момент я как раз глядела в окно.

— И вы видели, как ее вытолкнули? — недоверчиво воскликнула я.

— Нет. Но я видела ее у окна перед тем, как это произошло. Она красила губы. А когда я поглядела в окно снова, она уже была внизу, на тротуаре. — Девушка вздрогнула и бросила сигарету. — Не думаю, чтобы женщина стала красить губы перед тем, как выброситься из окна. А как по-вашему?

— Я тоже так не думаю. А сколько прошло времени?

Не больше минуты.

— И вы уверены, что видели в окне миссис Хеммонд?

— Уверена. На ней было зеленое платье, и я заметила, какие у нее красивые волосы. На ней не было шляпки. И вот — сегодня вечером я пошла туда посмотреть, нет ли на

тротуаре ее губной помады, но ее не нашла. Вокруг тогда собралось много народу. Может быть, кто-нибудь ее подобрал. Ведь прошло уже три дня. Но я уверена, что, когда она падала, помада была у нее в руках.

То же самое поразило и меня, когда я просматривала сумочку Элинора, — там не было губной помады.

Я посмотрела на часы. Было только одиннадцать часов вечера. Пожалуй, бридж затянется еще на добрый час.

— Может быть, пойдем посмотрим еще раз? — предложила я.

Она согласилась. Эта скромная девушка была уверена, что Элинора не покончила жизнь самоубийством. Но она не хотела, чтобы ее имя упоминалось в газетах. Да, собственно говоря, она и не сказала мне своего имени.

— Можете называть меня Смит, — сказала она. — Я не хочу быть замешанной в этой истории. Меня могут прогнать с работы.

Больше я эту девушку никогда в жизни не видела, но, если бы не она, дело, наверно, так и осталось бы нераскрытым. Губную помаду мы в тот вечер таки нашли. Она была в сточной канаве. Металлический колпачок был расплюсчен — по нему, наверно, проехала не одна автомашинка. Однако когда я стерла с него грязь, то отчетливо увидела монограмму Элинора.

Мисс Смит так и ахнула.

— Значит, я была права!

Через минуту она вскочила на автобус и уехала, и, как я уже сказала, больше я ее никогда не видела.

В ту ночь я почти не спала. Я слышала, как расходились мамы гости и как отъезжали машины. Когда мама поднялась наверх, она приоткрыла дверь моей комнаты, но я успела потушить свет и закрыть глаза — единственный известный мне способ избежать ее разговоров. Мне надо было обдумать, как поступить в связи с теперь уже для меня очевидным убийством Элинора, и меньше всего мне хотелось слушать про бридж и про то, как она выиграла или проиграла — два доллара. Когда она улеглась, я встала с постели и спрятала смятый колпачок от губной помады за подкладку шляпной коробки.

На следующий день часов в 11 я пошла к доктору Барклею. Дверь была не заперта, и я беспрепятственно вошла в приемную. Там никого не было, и я подошла к окну и выглянула на улицу. Я попыталась представить себе, что собираюсь выброситься из окна. Стала ли бы я перед этим красить губы? У меня закружилась голова и подогнулись

колени. Тут вошла секретарша. Не знаю, узнала ли она меня. Во всяком случае, не подала вида.

— По-моему, вы не записаны на прием, — сказала она.

— Нет. А разве без записи доктор меня не примет?

Она посмотрела на меня так, словно я произнесла невообразимую ересь, а когда я назвала свою фамилию, вид у нее стал просто подозрительный. Однако она согласилась спросить доктора Барклея, не сможет ли он меня принять, и через несколько минут провела меня к нему в кабинет.

Когда я вошла, доктор встал из-за стола. Я молча положила перед ним губную помаду Элинора и села на стул.

— Как это понять? — спросил он, с удивлением глядя на смятый колпачок.

— Миссис Хеммонд видели в окне вашей приемной за минуту до того, как она упала. Она красила губы вот этой помадой.

— Ясно. — Он опять посмотрел на помаду. — Вы, видимо, хотите сказать, что она упала с помадой в руках.

— Я хочу сказать, доктор, что она не выбрасывалась из окна. Неужели женщина станет перед этим красить губы?

Он криво улыбнулся.

— Если бы вы повидали так же много странных людей, как я, милочка, вас бы это не удивило.

— Интересно. Элинора выбросилась из окна вашей приемной с помадой в руках, а вы вчера следили за домом Хеммондов и при виде меня бросились наутек. А это не странное поведение?

У него широко раскрылись глаза. До этого он меня не узнал. Он откинулся в кресле и посмотрел на меня так, словно видел в первый раз.

— Так-так. Значит, это вы появились на дорожке?

— Да, я.

Он, казалось, принял какое-то решение.

— Послушайте, — сказал он, нагнувшись вперед, — пожалуй, я вам лучше все расскажу в надежде, что вы умеете держать язык за зубами. Мне не понравился вид мистера Хеммонда на дознании. По-моему, он болен, а это — по моей линии. Я боюсь, что он может... пустить себе пулю в лоб.

— И как бы вы этому помешали, стоя на дорожке? скептически спросила я.

Он улыбнулся, и это сделало его более человечным, не таким стопроцентным психиатром. Затем лицо его посерьезнело.

Так вот что у вас на уме, — сказал он. Уверю вас,

мисс Баринг, что я не убивал миссис Хеммонд. Я сказал вам чистую правду, почему я стоял перед их домом. Я как раз раздумывал, под каким предлогом постучаться в дверь, когда появились вы. Мне позвонила его сестра. Она боится за него.

— Не очень-то верьте тому, что говорит Маргарет Хеммонд. Она ненавидела Элинора.

Тут я встала и взяла со стола губную помаду. Доктор Барклей тоже встал и посмотрел на меня без тени улыбки.

— Неужели вам, молодой и чрезвычайно привлекательной женщине, нечем больше заняться, мисс Баринг? Я советую вам бросить ваши поиски. Все равно вы не вернете ее. Разве вы сами этого не знаете?

— Я знаю, что она не покончила с собой, — упрямо сказала я и вышла из кабинета.

Я почти не удивилась, обнаружив в приемной Маргарет. Она стояла возле открытого окна, из которого упала Элинора, и на секунду мне показалось, что она сама собирается из него выброситься.

— Маргарет! — резко окликнула я ее.

Она вздрогнула и обернулась. Она не пользовалась косметикой, и ее лицо было покрыто мертвенной бледностью. И — что меня особенно удивило — при виде меня на нем появилось выражение ужаса. Однако она быстро взяла себя в руки.

— А, это ты, Луиза, — сказала она. — Ты меня испугала.

Она опустилась на стул и вытерла лоб носовым платком.

— Она, наверно, поскользнулась, Лу. Тут легко поскользнуться. Посмотри сама.

Я покачала головой. Я отнюдь не собиралась высываться из этого окна. Тем более, когда позади стоит Маргарет. Она объяснила мне, что пришла оплатить счет Элинора, и я сделала вид, что ей поверила. Но все же она вела себя как-то странно, и, спускаясь в лифте, я почувствовала, что у меня мурашки ползают по спине. В ее возрасте женщины иногда страдают нервным расстройством, достигающим до полного безумия.

Машина не сразу завелась, и пока я возилась со стартером, Маргарет вышла из подъезда. И повела себя весьма удивительно — принялась искать что-то на тротуаре и в сточной канаве. Значит, она знает, что Элинора при падении держала в руках губную помаду. Или, может быть, обратила внимание на то, что ее нет в сумочке.

Меня она не заметила. В конце концов она остановила такси и уехала. И до сих пор я не знаю, что заставило меня

поехать вслед за ней — разве что мне просто больше некого было подозревать. По правде говоря, я не верила, что Маргарет убила Элинора. Я только знала, что кто-то ее убил.

Так или иначе, я поехала вслед за ней. Поездка была длинной, и, когда такси выехало из деловых кварталов в жилую часть города, я стала себе казаться порядочной дурой. Здесь было меньше движения, и мне пришлось держаться в отдалении, чтобы Маргарет меня не заметила. Но вот такси остановилось на улочке, застроенной одноэтажными домиками, и Маргарет вышла. Она не заметила ни меня, ни мою машину. Какое-то время она постояла перед деревянным домиком, стоявшим в глубине сада, потом подошла к крыльцу, поднялась по ступенькам и позвонила.

Она пробыла в доме почти час. Я стала казаться себе еще большей дурой. Мало ли что ей там было нужно — у нее могла быть тысяча причин, не имеющих никакого отношения к Элинора. Но когда она наконец появилась, я с изумлением воззрилась на женщину, которая вышла проводить ее на крыльцо. Это была миссис Томпсон — та самая, которую я видела на дознании.

Когда такси проезжало мимо меня, я наклонилась — якобы завязать шнурок на ботинке, — но, по-моему, Маргарет даже не заметила, что тут стоит машина. Миссис Томпсон тоже. Она не сразу вернулась в дом, но присела на крыльце, обмахиваясь фартуком. Она так и сидела, когда я подошла к крыльцу.

Миссис Томпсон посмотрела на меня с удивлением, но без опаски. Она, наверно, не видела меня на дознании.

— Надеюсь, вы не хотите мне что-нибудь продать, — довольно дружелюбно сказала она, не вставая с крыльца. — Потому что вам это все равно не удастся.

Было трудно вообразить, что она может быть замешана в преступлении. Каким бы то ни было преступлении. По лицу любой пятидесятилетней женщины можно сказать, что она за человек. И не только по лицу. По рукам, по одежде, по ее манере вести себя. Я видела, что эта женщина встает рано утром и готовит завтрак для большого семейства. Наверно, сама стирает белье. Суставы на пальцах были вздуты, а кожа — красной — видно, что они часто бывают в горячей воде. Но в глазах ее светилась житейская сметка.

— Я ничего не продаю, — сказала я. — Можно я присяду рядом и поговорю с вами?

— О чем? — В ее голосе зазвучало подозрение. — Мне надо готовить обед. Дети скоро придут из школы.

Она поднялась на ноги.

— Об убийстве, бросила я. Не забывайте про наказание за сокрытие улики. Мне кажется, что вы сказали на дознании не все, что знаете о деле Элинора Хеммонд.

Ее красное лицо слегка побледнело.

— Это было вовсе не убийство. — сказала она. — Суд решил, что...

— Я знаю, что решил суд. И все же я считаю, что Элинора убили. Что здесь делала ее золовка, если это не убийство?

Миссис Томпсон вздрогнула, но быстро оправилась.

— Я ее видела в первый раз, сказала она. Она пришла поблагодарить меня за мои показания на суде. Потому что из них вытекало, что бедняжка покончила с собой.

— Может, и заплатит вам за них?

— Никто мне ничего не платил, — вспыхнула она. — И, пожалуйста, уходите. Если вы думаете, что меня можно подкупить, чтобы я сказала неправду, то вы ошибаетесь. Больше нам не о чем разговаривать.

Она зашла в дом и захлопнула за собой дверь, а я поехала назад, ломая голову, что бы все это значило. Правду ли сказала миссис Томпсон? Утаила ли она что-нибудь на дознании? Я была уверена, что доктор, по крайней мере, знает больше, чем признает. Но зачем им что-нибудь скрывать? Мне стало мерещиться, что я завязла в паутине какого-то заговора.

Я опоздала к обеду, и мама ужасно негодовала.

— Не представляю, как у тебя это получается тебе абсолютно нечего делать, и все же ты постоянно опаздываешь к обеду и ужину.

— Мне очень даже есть, что делать, мама. Я пытаюсь раскрыть убийство Элинора.

— Убийство? совсем не интеллигентно взвизгнула она. — Да кто ее убивал? Кто бы стал ее убивать?

Да хотя бы Маргарет. Она всегда ее ненавидела.

— Женщины того круга, к которому принадлежит Маргарет, не совершают преступлений, назидательно произнесла мама. — Мне непонятно, что с тобой происходит, Луиза. Подозревать своих друзей...

Она мне не друг. А вот Элинора была моим другом.

— И поэтому ты готова облить всех грязью! Скажешь тоже — убийство! Я должна тебя предупредить, Луиза: если ты будешь упорствовать в этой идиотской идее, ты угодишь в скандальную хронику. И тогда уж я обязательно лишу тебя содержания.

С этой страшной угрозой она встала и ушла к себе, а я провела остаток дня, ломая голову, что могут знать и скрывать доктор Барклей и миссис Томпсон. Потом я съездила в парикмахерскую, где обслуживалась Элинора, и села к ее мастерице.

Девушки в парикмахерской с готовностью говорили об Элиноре. Та, что укладывала мне волосы, сообщила нечто такое, чего я не знала.

— Сажу я ее дожидаюсь — а она никогда не опаздывала, — а ее нет и нет. Так и не пришла, понятное дело...

— Вы хотите сказать, что вы ее ожидали в тот день, когда это случилось?

— Да. Она должна была прийти в четыре часа. По дороге домой я купила газету, и, когда увидела, что там про нее написано, я не поверила своим глазам. Она всегда была такая веселая. Правда, за последние недели она немного сникла, но мне и в голову не приходило...

— А когда вы заметили в ней перемену?

— Сейчас, дайте подумать. Около Пасхи, по-моему. Помню, я сказала, как мне нравится ее новая шляпка, а она возьми и подари ее мне. Так и ушла с непокрытой головой. Я побежала следом, но она наотрез отказалась взять шляпку обратно. И сказала очень странную вещь — то есть я теперь понимаю, что странную. Она сказала, что новые шляпки бывает опасно носить.

Может быть, заботы мастерицы и улучшили мою внешность, но в голове у меня была полная неразбериха. Почему новые шляпки опасно носить? Почему Элинора изменилась на Пасху?

В тот вечер Фред обедал у нас. То есть не столько обедал, сколько сидел с нами за столом и тыкал вилкой в куски, не поднося их ко рту. Маргарет не пришла. Фред сказал, что у нее болит голова и она легла в постель. Почти весь вечер он говорил об Элиноре.

Слушать это было невыносимо. Даже маме было явно не по себе.

— Ну съешь же что-нибудь, Фред, сказала она. — И постарайся забыть обо всей этой истории. Какой смысл без конца к этому возвращаться? Она была счастлива с тобой. Помни про это, а остальное забудь.

За обедом я спросила его, не было ли у Элиноры весной каких-нибудь огорчений. Он с удивлением воззрился на меня.

— Весной? Когда?

На Пасху или около этого. Мне казалось, что она изменилась. Вроде как была не совсем здорова..

— На Пасху, — повторил он. — Нет, ничего такого не помню, Лу. Вот только примерно в это время она начала ходить к этому проклятому психиатру.

— А почему она к нему обратилась, Фред? — спросила мама. Что-то я не замечала в ней болезненной неуверенности в себе.

Фред не заметил иронии. Он перестал даже притворяться, что ест, и зажег сигарету.

— Вы же его видели, — сказал он. — Красавчик! Может быть, ей нравилось на него смотреть. Сколько же можно глядеть на меня?

Вскоре он ушел домой. Похоже, визиты Элинон к доктору Барклею были ему все же не по нутру, особенно из-за привлекательной внешности доктора. Что он, пытается как-то утешиться, выискивая недостатки в Элинон?

Я плохо спала в ту ночь. Мне все мерещилось лицо Фреда, и на следующее утро я опоздала к завтраку. Да, у нас принято вместе завтракать в столовой. Мама считает, что по утрам человек должен видеть напротив себя веселые лица. Если я одно время и собиралась замуж за Фреда, то лишь затем, чтобы иметь возможность пить кофе в постели. Наконец мама передала мне газету.

В углу на последней странице я обнаружила заметку, в которой говорилось, что предыдущим вечером кто-то ранил из пистолета миссис Томпсон, и я не поверила своим глазам.

Я перечитала заметку еще и еще раз. Ее не убили, но тяжело ранили. Родные рассказали полиции, что она сидела вечером на крыльце и кто-то в нее выстрелил. Больше они ничего не знали. Никто даже не слышал выстрела или они подумали, что это выхлоп машины. Ее нашел муж, когда вернулся домой с собрания масонской ложи. Было одиннадцать часов вечера. Она была без сознания. В заметке писали, что она все еще слишком слаба, чтобы полиция могла взять у нее показания о случившемся. Пуля прошла навылет через грудь.

Значит, бедняжка все-таки знала что-то, что представляло опасность для убийцы. Я опять вспомнила, как Маргарет поднималась на крыльцо ее домика, как она искала под окном доктора губную помаду Элинон. Маргарет, которая ненавидела Элинон, которая теперь была полноправной хозяйкой в доме Фреда и завладела наконец портретом старого Джо Хеммонда, шелковыми простынями Элинон и вдруг вспомнила я также автоматическим пистолетом Фреда, который уже много лет лежал у него в ящике письменного стола.

Кажется, именно мысль о пистолете побудила меня действовать, а также сочувствие к раненой, может быть, умирающей, миссис Томпсон. Я вспомнила, какой у нее был уютный домашний вид, когда она сидела на крыльце, а на веревке во дворе сушилась детская одежка. Я вспомнила ее руки со вздутыми от стирки и другой работы суставами. Ей нужны были деньги, она пошла к доктору Барклею попросить аванс под получку, и там что-то случилось, о чем она сказала сразу, а что-то вспомнила потом.

Так или иначе, я пошла в местное отделение полиции и спросила дежурного, могу ли я повидать начальника участка. Он ел яблоко, сидя за столом, и спросил, глядя на меня равнодушными глазами и не переставая жевать:

— А зачем он вам нужен?

— У меня к нему дело.

— Он сейчас занят.

— Если он так занят, что ему некогда заниматься делом об убийстве, то я поеду в городской отдел уголовной полиции.

Тут на его лице отразился слабый интерес.

— А кого убили?

— Это я скажу ему.

Мимо проходил полисмен, и дежурный сказал ему:

— Мисс считает, что знает что-то о каком-то убийстве. Узнай, сильно ли занят капитан.

Капитан оказался не сильно занят, но моя история его нисколько не заинтересовала. Когда я сказала, что дело касается Элинон Хеммонд, он равнодушно произнес, что вопрос давно решен и вообще дело проходило не по его району. Поскольку миссис Томпсон также жила не в его районе и поскольку он явно считал, что я или полоумная, или хочу попасть в газеты, я встала и ушла, ничего не добившись. Дежурный широко ухмыльнулся, когда я проходила мимо.

— Ну, что, присылать карету за трупом?

— Вас бы я не вызвала даже за дохлой собакой, — отрезала я.

Но все-таки мой визит оказался не совсем безрезультатным. Я долго ездила по городу, пытаюсь придумать, что делать дальше. Когда я наконец вернулась домой, мама встретила меня в прихожей, кипя от негодования.

— Тебя там ждет полицейский, — прошипела она. — Что ты натворила?

— Где он?

— В гостиной.

— Мне нужно поговорить с ним наедине. Я ничего не натворила. Это касается Элинора.

— Ты просто спятила, — возмущенно сказала она. — Элинора запуталась в своих делишках и покончила с собой. Я всегда думала, что она плохо кончит. Дождешься вот, что тебя самое арестуют.

Мне не удалось от нее избавиться. Она пошла вслед за мной в гостиную, и прежде чем я успела обменяться со следователем парой фраз, заявила ему, что я последнее время веду себя чрезвычайно странно и что она намерена вызвать врача и уложить меня в постель. Следователь в ответ на это только улыбнулся. Он явно знал свое дело и не обратил на ее слова никакого внимания.

— Пусть она сама расскажет, что ее беспокоит, — предложил он. — На мой взгляд, она в здравом уме и полной памяти. Ну, так кого, по-вашему, убили, мисс Баринг?

Я рассказала ему все, что знала, хотя мама без конца прерывала меня негодующими восклицаниями: про губную помаду, про посещение парикмахерской, назначенное Элинора на то время, когда она уже лежала мертвой на тротуаре, и про миссис Томпсон, которая, по моему убеждению, не все рассказала на дознании.

— Значит, вы считаете, что миссис Хеммонд не покончила с собой, а была убита?

— По-моему, это очевидно.

— Кто же, по-вашему, ее убил?

— Мне кажется, ее золовка Маргарет Хеммонд.

На этом месте мама подскочила со стула и заявила, что дальше она и слушать не хочет и что я несу истерическую чушь. Но следователь и бровью не повел.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь, — резко сказал он ей. — Какие у вас основания подозревать Маргарет Хеммонд, мисс Баринг?

— Вчера она была в приемной доктора Барклея, — сказала я. — Она уверяла меня, что там очень легко поскользнуться на полу и упасть в окно. И предложила мне самой в этом убедиться. — Я зажгла сигарету и с удивлением обнаружила, что у меня дрожат руки. — Вы можете мне не верить, но я убеждена, что она знает про губную помаду. Я видела, как она искала ее на улице под окном.

Но что его окончательно пробрало, так это мое следующее заявление:

— Я считаю, что она была у доктора в тот день, когда убили Элинора. И что миссис Томпсон про это знает. Я считаю, что в нее стреляла Маргарет Хеммонд.

— Миссис Томпсон? — переспросил он. — Это та женщина с Чарльз-стрит? Которая сейчас в больнице?

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Почему вы думаете, что в нее стреляла мисс Хеммонд? Вы понимаете, что такое обвинение нужно подтверждать фактами?

— Она была там вчера утром и целый час разговаривала с миссис Томпсон. Я сама это видела. Я следила за ней.

Мама опять подскочила со стула. Чтобы ее дочь, которую она воспитала в самых строгих правилах, оказалась способной на полицейскую слежку! А Маргарет вчера вечером рано легла спать. У нее болела голова. Можно удостовериться в этом, спросив их прислугу.

Следователь терпеливо дождался, когда она закончит, затем встал.

— Я хочу дать вам совет, мисс Баринг, — сказал он с каменным лицом. — Предоставьте это дело нам. Если действительно было совершено убийство и попытка второго, то этим должны заниматься профессионалы.

В результате в постель слегла мама, а я весь оставшийся день просидела у телефона. Наконец он мне позвонил, но ничего нового не сказал. Придя в сознание, миссис Томпсон заявила, что не знает, кто в нее стрелял и почему. Она утверждает, что Маргарет была у нее только за тем, чтобы поблагодарить за ее показания, из которых с очевидностью вытекало, что Элинора или упала, или выбросилась из окна. Никто миссис Томпсон не давал и не предлагал денег.

Однако кое-что новое я все же узнала. Оказывается, миссис Томпсон — уже после дознания — вспомнила кое-что и позвонила Маргарет узнать, стоит ли об этом сообщить полиции. Дело в том, что пока она была в коридоре, один человек все же входил в приемную.

— Ничего удивительного, что она о нем забыла, — сказал следователь. — Это был почтальон, а их никто никогда не замечает.

— Почтальон? — растерянно переспросила я.

— Да. Я с ним говорил. Он видел миссис Хеммонд в приемной. Он ее отлично помнит. Она сидела без шляпы и читала журнал.

— А миссис Томпсон он видел?

— Он ее не заметил, но она-то его видела.

— И поэтому он вчера вечером пытался ее убить?

Он засмеялся.

— Вчера вечером он со всем своим семейством ходил в

кино. Вот что, мисс Баринг. В нее могли стрелять и по ошибке. Сейчас многие ходят с оружием.

Все получалось прелестно. Элинор покончила с собой, а в миссис Томпсон стрелял какой-то будущий Гитлер. Только я в это отказывалась верить. И еще меньше я в это поверила после визита доктора Барклей.

Обедала я дома. Мама все еще не вставала с постели и отказывалась со мной общаться. Я чувствовала себя сиротой. Вечером я слушала по радио сообщение с европейского фронта и размышляла, не пойти ли мне на курсы медсестер, чтобы сбежать из дома. И тут горничная объявила, что пришел доктор Барклей. Держался он не очень уверенно — видимо, не знал, какой прием ему окажут.

— Извините за вторжение, — начал он, — но я хочу попросить вас уделить мне несколько минут.

— Значит, вы пришли не для того, чтобы меня обследовать?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, конечно. С чего бы?

— С того, что моя мать считает, что я схожу с ума, — взърилась я. — Элинор Хеммонд умерла, и мир праху ее. Миссис Томпсон подстрелили, как куропатку, ну и что? Только бы не попасть в газеты! Только бы не опорочить фамилию! Только бы избежать сплетен!

— Мисс Баринг, — сказал он, — у вас действительно нервы не в порядке. Может быть, ляжете в постель? А я приду поговорить с вами в другой раз.

— Ах, в постель? — злобно отозвалась я. — Какая прекрасная мысль! Как все станет просто! Кто-то совершил убийство, и ему это сошло с рук. Может быть, два убийства. И все стараются заткнуть мне рот. Даже полиция!

— Вы что, обращались в полицию?

— А почему бы и нет? Почему бы мне не сообщить о моих подозрениях полиции? Из вашего окна выбросили человека, и вам не хочется, чтобы об этом узнали! Потому, да?

Тут он действительно разозлился. Он так и не присел, я тоже стояла. Мы, наверно, походили на двух распушивших перья петухов. Но он постарался овладеть собой.

— Послушайте, — сказал он. — Вы просто не понимаете, что происходит. Черт возьми, почему вы не оставите это дело в покое?

— Если бы я оставила это дело в покое, то не было бы никакого дела, — отрезала я. — И почему это все так уговаривают меня не совать в него нос?

Тут я окончательно потеряла контроль над собой. Меня привело в ярость злое выражение его лица. — Почему я знаю — может, вы сами это сделали! Или вы, или почтальон. А он, видите ли, был в кино!

— Почтальон? — переспросил доктор Барклей. — Какой еще почтальон?

На его лице было написано такое изумление, что я невольно рассмеялась. Рассмеялась и не могла остановиться. А потом начала рыдать. И тоже не могла остановиться. Сквозь рыдания я выкрикивала какие-то обвинения. И вдруг он ударил меня по щеке.

Я дернулась назад и чуть не упала. Ему пришлось подхватить меня. Но истерика прошла. Я высвободилась из его рук и сказала, чтобы он убирался вон из моего дома. Но он и не подумал уходить. У него уже не было злого лица, наоборот, он как будто чему-то обрадовался — и это отнюдь не улучшило мое настроение.

— Вот и умница, — сказал он. — А то бы сейчас сбежались соседи. Идите прилягте, а я пришлю вам из аптеки снотворного.

— Ждите, так я и буду принимать ваши отравленные пилюли!

Доктор Барклей не обратил на мои слова никакого внимания. Поднял с пола сигарету, которая уже прожгла дырку в ковре — Боже, что скажет мама! — и бросил ее в пепельницу. Затем, к моему негодованию, похлопал меня по плечу.

— Хотите верить, хотите нет, — сказал он, — но я пришел сюда совсем не для того, чтобы с вами ссориться. Я пришел просить вас не выходить одной после темноты на улицу. Это опасно. — Он взял со стула шляпу. — Если вам дорога жизнь, — добавил он, — не выходите после темноты из дома, мисс Баринг. Ни в коем случае.

— Что за чушь! — вскричала я. — Почему это мне нельзя выходить после темноты из дома?

Видно было, что я его безумно раздражаю. — Потому, что это опасно, — бросил он. — И я прошу вас держаться подальше от дома Хеммондов. Надеюсь, у вас хватит мозгов прислушаться к моим словам.

Доктор Барклей ушел, хлопнув дверью, а я занялась дыркой на ковре — надо было ее как-то скрыть от мамы. Одна мысль о докторе Барклее приводила меня в остервенение. Я все еще не остыла, когда позвонил телефон. Это была Маргарет!

— Надо полагать, это тебе мы обязаны визитом поли-

ции, — сказала она. — Ну почему ты не хочешь оставить нас в покое? И так у нас горе, а тут еще ты.

— Хорошо, — ответила я, забыв об осторожности. — А теперь я тебе задам вопрос. Зачем ты вчера ездила к миссис Томпсон? И кто в нее стрелял?

У Маргарет как будто перехватило дыхание. И она тут же положила трубку.

Через полчаса посыльный из аптеки принес снотворное. Я отнесла таблетки на кухню и бросила их в печь. Анни с изумлением наблюдала мои действия. Она грела для мамы молоко и рассказала мне, что вчера вечером к ней приходила Клара, повариха Хеммондов.

— Говорит, что там творятся странные дела, — сообщила она. — Кто-то вчера вечером разжег топку, и в доме такая жара, что дышать нечем.

Я не обратила внимание на это сообщение. Я еще не пришла в себя после перебранки с доктором Барклеем. И тут я заметила, что Анни смотрит мне через плечо, обернулась и увидела Фреда. У него на лице была усталая извиняющаяся улыбка.

— Можно войти? — спросил он. — Я вышел погулять и увидел у вас свет.

Он выглядел немного лучше. Сказал, что Маргарет легла спать и в доме пусто и одиноко. Попросил Анни сварить ему кофе.

— Все равно я почти не сплю, — сказал он. — Никак не могу привыкнуть. И в доме такая жара. Я жег разные ненужные вещи.

Так вот кто разжег топку.

Я проводила Фреда до ворот и некоторое время смотрела ему вслед. Затем повернулась и пошла по подъездной дорожке обратно к дому. Вдруг в кустах раздался шорох, и я остановилась поглядеть в чем дело. Выстрела я не слышала, а почувствовала удар по голове и упала. В сознание я пришла у себя в постели. Голова у меня была забинтована и так болела, что все плыло перед глазами.

— Я же ее предупреждала, — каким-то полузадушенным голосом говорила мама. — И вы тоже сказали ей не выходить из дома после темноты. Но разве она кого-нибудь слушается!

— Что тут поделаешь, — раздался мужской голос. — Ваша дочь, миссис Баринг, очень упрямая особа.

Это был доктор Барклей. Когда я открыла глаза, он стоял возле моей постели. Видимо, у меня в голове все перепуталось, потому что я сказала ему слабым голосом:

— Вы дали мне пощечину.

— И что проку? — отозвался он. — Ну вот, полюбуйтесь на себя. Да еще вам повезло.

Тут я получше разглядела доктора Барклея. У него был очень странный вид. Один глаз заплыл, воротник оторван. Я глядела на него в изумлении.

— Что случилось? — проговорила я. — Вы подрались?

— Что-то вроде этого.

— А почему у меня забинтована голова?

— А это вам наказание за то, что вы не послушались совета врача.

Тут я припомнила шорох в кустах и удар по голове. Доктор Барклей взял мою руку и стал щупать пульс.

— Пуля содрала у вас кусок кожи на голове, — спокойно сказал он. — Мне пришлось состричь довольно много волос вокруг раны. — Услышав это, я ахнула от огорчения.

— Не горюйте. Конечно, это были красивые волосы, но они опять вырастут. Благодарите Бога, что вы живы.

— Кто это сделал? Кто в меня стрелял?

— Почтальон, кто же еще, — ответил он и к моему величайшему негодованию с этим вышел из комнаты.

Вскоре я заснула. Наверно, он дал мне снотворное. Во всяком случае, конец этой истории я услышала только на следующее утро. Доктор Барклей совершенно очаровал маму, и она не пускала его ко мне в комнату, пока поверх моего одеяла не положили наше самое красивое шелковое покрывало, а меня со всех сторон подоткнули крошечными подушечками. И все равно, посмотрев в зеркальце, я убедилась, что выгляжу ужасно. Вся голова у меня была забинтована, а лицо какого-то желто-серого цвета. Однако доктор Барклей как будто не обратил на это никакого внимания. Он вошел в комнату с широкой улыбкой на лице и весело сообщил мне, что на меня страшно смотреть. А у самого левый глаз запух до того, что совсем не открывался.

— Посмотрите на себя, — ответствовала я.

— Что, это? — спросил он, трогая заплывший глаз. — Вчера вечером ваша мама приложила к нему серебряный нож, а то было бы хуже. Да, ваша мама — человек с характером. Мы с ней совсем подружились.

Он попросил извинить его за такой растерзанный вид. Он еще не был дома, а всю ночь провел в полиции. И ему надо туда опять поехать, чтобы окончательно подбить бабки. На этом месте я взорвалась:

— Вы не выйдете из этой комнаты, пока не расскажете

мне, что произошло! У меня от одного любопытства поднялась температура.

Он положил руку мне на лоб.

— Никакой у вас нет температуры. Просто ваши детективные мозги закипают от перегрева. Ну, ладно. С какого места начинать?

— С почтальона.

Вот что он мне рассказал. Как-то весной Элинора пришла к нему на прием и рассказала странную историю. За ней повсюду таскается человек в форме почтальона. Сидит она в ресторане с приятелем, обедает — почтальон торчит за окном. Он попадает ей на глаза в самых несообразных местах. Все это звучало невероятно, но Элинора клялась, что это правда. И она была основательно напугана.

У меня в голове начало что-то проясняться.

— Вы хотите сказать, что это был тот самый человек, которого миссис Томпсон видела у вас в приемной?

— Она его уже опознала. Настоящий почтальон там тоже был, но раньше. Он видел миссис Хеммонд в кресле. Она читала журнал. Но он ушел до того, как пришла миссис Томпсон. А тот, которого она видела, — он-то и убил миссис Хеммонд.

Мне кажется, я догадалась, о ком идет речь, раньше, чем он мне сказал. Во всяком случае, у меня страшно заныло сердце.

— Это Фред, да?

— Да, это Фред Хеммонд. — Доктор Барклей взял меня за руку. — Это очень грустно, дорогая. Я очень беспокоился за миссис Хеммонд и пытался уговорить ее уехать. Но вы знаете, какой у нее был характер — она наотрез отказалась. А потом она еще надела на вечеринку платье с буквой «П», и это, видимо, послужило последней каплей.

— Не могу поверить, — проговорила я. — Он же ее обожал.

— Он помешался на этом обожании. Да, он ее любил. Но он боялся ее потерять. Ему казалось, что он ее уже теряет. И он дико ревновал. По-видимому, он больше всего ревновал ее ко мне, — сказал доктор Барклей со смущенным видом.

— Но если он ее действительно любил...

— От любви до ненависти — один шаг. Возможно, он считал, что она только тогда будет безраздельно его, когда она не сможет принадлежать кому-нибудь другому.

— И он ее убил?

— Он ее убил, — тихо сказал доктор Барклей. — Он

знал, что никто не обращает внимания на почтальона, и он зашел ко мне в приемную и...

Он встал и подошел к окну. Я села в постели. Голова у меня кружилась.

— Но он же сумасшедший, — проговорила я. — Таких не приговаривают к электрическому стулу.

— Его и не приговорят к электрическому стулу, — сдержанно ответил он. — Запомните, дорогая: ему лучше там, где он сейчас. Может быть, он уже нашел свою жену и обрел счастье. Я думаю, что он на это надеялся. — И доктор добавил после небольшой паузы: — Я вчера опоздал. Я схватил его, когда он выстрелил в вас, но он дрался как одержимый. Каким-то образом он сумел вырваться и тут же застрелился.

Доктор Барклей рассказал мне остальное. Сомнений в вине Фреда не было никаких. Миссис Томпсон опознала его по фотографии. Это он вошел в приемную и вскоре вышел — за несколько минут до того, как она услышала крик секретарши. Пуля, которая ранила миссис Томпсон, была из пистолета Фреда. А Маргарет — бедняжка Маргарет! — уже давно опасалась за его рассудок.

— Вчера, когда она узнала, что миссис Томпсон ранена, она пришла ко мне и просила, чтобы я устроил его в дом для душевнобольных. Но когда я сказал, что необходимо сообщить в полицию, с ней сделалась истерика. Да и вряд ли нам удалось бы доказать его вину. Форму почтальона он уничтожил, а миссис Томпсон, казалось, вот-вот умрет...

— Как он уничтожил форму?

— Он сжег ее в топке. Мы нашли там обгоревшие пуговицы.

— А почему он пытался убить миссис Томпсон? Что она знала?

— Она не только вспомнила, что в приемную заходил почтальон и что он вышел перед тем, как закричала миссис Камингс, она смогла его описать. Маргарет, вернувшись домой, обыскала комнаты и нашла почтальонскую форму — в сундуке на чердаке. Тогда у нее уже не осталось сомнений. Она заперлась у себя в комнате и стала думать, как ей быть. Но утром она сказала Фреду, что хочет навестить миссис Томпсон, и он, видимо, понял, что она нашла форму. Может быть, она положила вещи в сундуке не в том порядке. Но точно она ничего не знает — и я тоже. Мы только знаем, что вечером он уехал на машине и попытался убить главного свидетеля. Конечно, не считая вас.

— Не считая меня? — тупо переспросила я.

— Не считая вас, — сухо подтвердил доктор Барклей. — Если вы помните, я пытался вас предупредить. Я пришел сюда с этой целью, а вы вышвырнули меня вон.

— Но почему меня? Он ко мне хорошо относился. Зачем ему было убивать меня?

— Потому что вы без конца ворошили это дело. Потому что вы представляли для него угрозу с той минуты, как заявили, что Элинора не покончила с собой, но была убита. И потому что вчера вечером вы позвонили Маргарет и спросили ее, зачем она ездила к миссис Томпсон и кто в нее стрелял.

— Вы думаете, он подслушивал?

— Я знаю, что он подслушивал. Сестры он не опасался. Он знал, что она скорее умрет, чем выдаст его полиции. А вы были все равно что ребенок с динамитной шашкой в руках. Взяли и выболтали свои подозрения! Вот тогда-то Маргарет и послала меня к вам, чтобы вас предупредить.

Мне стало очень стыдно.

Мне очень жаль, — виновато сказала я. — Видимо, я вела себя чрезвычайно глупо.

В незаплавленном глазу доктора Барклея загорелась веселая искра.

— Ну-ну, не так уж и глупо. Если бы не ваше упрямство, неизвестно, сумели бы мы найти убийцу. Хотя я не так уж люблю упрямых женщин. Мне больше нравятся нежные и покладистые

Тут я стала его расспрашивать, что произошло вчера вечером. Ему явно не хотелось об этом говорить. Но в конце концов он признался, что следил за домом Хеммонда весь вечер и что, когда Фред пришел к нам на кухню через заднюю дверь, доктор Барклей ждал его поблизости. Но Фред, казалось, был спокоен. Он выпил кофе, закурил сигарету. А потом меня дернуло провожать его до ворот.

Черт бы вас побрал, прорычал доктор Барклей. — Как мне хотелось вас хорошенько отлупить!

Однако поначалу ему показалось, что все обойдется. Фред пошел по улице по направлению к своему дому, а доктор Барклей следовал за ним по другую сторону живой изгороди. Потом он на секунду потерял его из виду и понял, что Фред повернул назад. Он успел его схватить в ту самую минуту, когда Фред прицелился в меня из пистолета.

Вдруг у меня полились слезы. Как это все ужасно! Подкрашивающая у окна губы Элинора и подкраившийся к ней со спины Фред. Миссис Томпсон, присевшая на крылечке от-

дохнуть после трудового дня, и Фред, стреляющий в нее из кустов. И я сама...

Доктор Барклей достал из кармана грязный носовой платок и вытер мне слезы.

— Хватит реветь! — скомандовал он. — Все уже кончилось, а вы, Луиза Баринг, молодец, смелая девушка. Слезы вам совершенно не к лицу.

Доктор Барклей резко встал со стула.

— Хватит говорить об убийствах, — веселым голосом сказал он. — Вам нужно отдохнуть и прийти в себя. Я передаю вас в руки другого врача. Он скоро придет сделать вам перевязку.

— А вы не можете сделать мне перевязку?

— У меня другая специальность.

Я внимательно посмотрела на него. У него был совершенно измученный вид — весь в грязи, на щеках щетина и огромный черный синяк под глазом. Но это был большой, сильный, уравновешенный человек. За таким будешь чувствовать себя как за каменной стеной. Только вот нельзя будет ему рассказывать сны.

— Не знаю, почему вы отказываетесь меня лечить, сказала я. — Если уж мне суждено какое-то время быть лысой, я предпочла бы, чтобы это видели вы, а не кто-нибудь другой. В конце концов это ваших рук дело.

Он широко улыбнулся. Затем, к моему удивлению, наклонился и легонько поцеловал меня в щеку.

— Мне хотелось вас поцеловать с той самой минуты, как вы вышвырнули мне на стол губную помаду миссис Хеммонд. И, пожалуйста, во имя всего святого, хватит играть в сыщика — займитесь лучше отрачиванием волос. Потому что мне бы хотелось, чтобы с вами можно было поскорей показаться на людях.

Я подняла глаза и увидела в дверях маму. На лице ее сияла лучезарная улыбка.

— Мне нужно поговорить с ним наедине. Я ничего не натворила. Это касается Элинора.

— Ты просто спятила, — возмущенно сказала она. — Элинора запуталась в своих делишках и покончила с собой. Я всегда думала, что она плохо кончит. Дождешься вот, что тебя самое арестуют.

Мне не удалось от нее избавиться. Она пошла вслед за мной в гостиную, и прежде чем я успела обменяться со следователем парой фраз, заявила ему, что я последнее время веду себя чрезвычайно странно и что она намерена вызвать врача и уложить меня в постель. Следователь в ответ на это только улыбнулся. Он явно знал свое дело и не обратил на ее слова никакого внимания.

— Пусть она сама расскажет, что ее беспокоит, — предложил он. — На мой взгляд, она в здравом уме и полной памяти. Ну, так кого, по-вашему, убили, мисс Баринг?

Я рассказала ему все, что знала, хотя мама без конца прерывала меня негодующими восклицаниями: про губную помаду, про посещение парикмахерской, назначенное Элинора на то время, когда она уже лежала мертвой на тротуаре, и про миссис Томпсон, которая, по моему убеждению, не все рассказала на дознании.

— Значит, вы считаете, что миссис Хеммонд не покончила с собой, а была убита?

— По-моему, это очевидно.

— Кто же, по-вашему, ее убил?

— Мне кажется, ее золовка Маргарет Хеммонд.

На этом месте мама подскочила со стула и заявила, что дальше она и слушать не хочет и что я несу истерическую чушь. Но следователь и бровью не повел.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь, — резко сказал он ей. — Какие у вас основания подозревать Маргарет Хеммонд, мисс Баринг?

— Вчера она была в приемной доктора Барклея, — сказала я. — Она уверяла меня, что там очень легко поскользнуться на полу и упасть в окно. И предложила мне самой в этом убедиться. — Я зажгла сигарету и с удивлением обнаружила, что у меня дрожат руки. — Вы можете мне не верить, но я убеждена, что она знает про губную помаду. Я видела, как она искала ее на улице под окном.

Но что его окончательно пробрало, так это мое следующее заявление:

— Я считаю, что она была у доктора в тот день, когда убили Элинора. И что миссис Томпсон про это знает. Я считаю, что в нее стреляла Маргарет Хеммонд.

— Миссис Томпсон? — переспросил он. — Это та женщина с Чарльз-стрит? Которая сейчас в больнице?

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Почему вы думаете, что в нее стреляла мисс Хеммонд? Вы понимаете, что такое обвинение нужно подтверждать фактами?

— Она была там вчера утром и целый час разговаривала с миссис Томпсон. Я сама это видела. Я следила за ней.

Мама опять подскочила со стула. Чтобы ее дочь, которую она воспитала в самых строгих правилах, оказалась способной на полицейскую слежку! А Маргарет вчера вечером рано легла спать. У нее болела голова. Можно удостовериться в этом, спросив их прислугу.

Следователь терпеливо дождался, когда она закончит, затем встал.

— Я хочу дать вам совет, мисс Баринг, — сказал он с каменным лицом. — Предоставьте это дело нам. Если действительно было совершено убийство и попытка второго, то этим должны заниматься профессионалы.

В результате в постель слегла мама, а я весь оставшийся день просидела у телефона. Наконец он мне позвонил, но ничего нового не сказал. Придя в сознание, миссис Томпсон заявила, что не знает, кто в нее стрелял и почему. Она утверждает, что Маргарет была у нее только за тем, чтобы поблагодарить за ее показания, из которых с очевидностью вытекало, что Элинора или упала, или выбросилась из окна. Никто миссис Томпсон не давал и не предлагал денег.

Однако кое-что новое я все же узнала. Оказывается, миссис Томпсон — уже после дознания — вспомнила кое-что и позвонила Маргарет узнать, стоит ли об этом сообщить полиции. Дело в том, что пока она была в коридоре, один человек все же входил в приемную.

— Ничего удивительного, что она о нем забыла, — сказал следователь. — Это был почтальон, а их никто никогда не замечает.

— Почтальон? — растерянно переспросила я.

— Да. Я с ним говорил. Он видел миссис Хеммонд в приемной. Он ее отлично помнит. Она сидела без шляпы и читала журнал.

— А миссис Томпсон он видел?

— Он ее не заметил, но она-то его видела.

— И поэтому он вчера вечером пытался ее убить?

Он засмеялся.

— Вчера вечером он со всем своим семейством ходил в

кино. Вот что, мисс Баринг. В нее могли стрелять и по ошибке. Сейчас многие ходят с оружием.

Все получалось прелестно. Элинор покончила с собой, а в миссис Томпсон стрелял какой-то будущий Гитлер. Только я в это отказывалась верить. И еще меньше я в это поверила после визита доктора Барклей.

Обедала я дома. Мама все еще не вставала с постели и отказывалась со мной общаться. Я чувствовала себя сиротой. Вечером я слушала по радио сообщение с европейского фронта и размышляла, не пойти ли мне на курсы медсестер, чтобы сбежать из дома. И тут горничная объявила, что пришел доктор Барклей. Держался он не очень уверенно — видимо, не знал, какой прием ему окажут.

— Извините за вторжение, — начал он, — но я хочу попросить вас уделить мне несколько минут.

— Значит, вы пришли не для того, чтобы меня обследовать?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, конечно. С чего бы?

— С того, что моя мать считает, что я схожу с ума, — взърилась я. — Элинор Хеммонд умерла, и мир праху ее. Миссис Томпсон подстрелили, как куропатку, ну и что? Только бы не попасть в газеты! Только бы не опорочить фамилию! Только бы избежать сплетен!

— Мисс Баринг, — сказал он, — у вас действительно нервы не в порядке. Может быть, ляжете в постель? А я приду поговорить с вами в другой раз.

— Ах, в постель? — злобно отозвалась я. — Какая прекрасная мысль! Как все станет просто! Кто-то совершил убийство, и ему это сошло с рук. Может быть, два убийства. И все стараются заткнуть мне рот. Даже полиция!

— Вы что, обращались в полицию?

— А почему бы и нет? Почему бы мне не сообщить о моих подозрениях полиции? Из вашего окна выбросили человека, и вам не хочется, чтобы об этом узнали! Потому, да?

Тут он действительно разозлился. Он так и не присел, я тоже стояла. Мы, наверно, походили на двух распушивших перья петухов. Но он постарался овладеть собой.

— Послушайте, — сказал он. — Вы просто не понимаете, что происходит. Черт возьми, почему вы не оставите это дело в покое?

— Если бы я оставила это дело в покое, то не было бы никакого дела, — отрезала я. — И почему это все так уговаривают меня не совать в него нос?

Тут я окончательно потеряла контроль над собой. Меня привело в ярость злое выражение его лица. — Почему я знаю — может, вы сами это сделали! Или вы, или почтальон. А он, видите ли, был в кино!

— Почтальон? — переспросил доктор Барклей. — Какой еще почтальон?

На его лице было написано такое изумление, что я невольно рассмеялась. Рассмеялась и не могла остановиться. А потом начала рыдать. И тоже не могла остановиться. Сквозь рыдания я выкрикивала какие-то обвинения. И вдруг он ударил меня по щеке.

Я дернулась назад и чуть не упала. Ему пришлось подхватить меня. Но истерика прошла. Я высвободилась из его рук и сказала, чтобы он убирался вон из моего дома. Но он и не подумал уходить. У него уже не было злого лица, наоборот, он как будто чему-то обрадовался — и это отнюдь не улучшило мое настроение.

— Вот и умница, — сказал он. — А то бы сейчас сбежались соседи. Идите прилягте, а я пришлю вам из аптеки снотворного.

— Ждите, так я и буду принимать ваши отравленные пилюли!

Доктор Барклей не обратил на мои слова никакого внимания. Поднял с пола сигарету, которая уже прожгла дырку в ковре — Боже, что скажет мама! — и бросил ее в пепельницу. Затем, к моему негодованию, похлопал меня по плечу.

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал он, — но я пришел сюда совсем не для того, чтобы с вами ссориться. Я пришел просить вас не выходить одной после темноты на улицу. Это опасно. — Он взял со стула шляпу. — Если вам дорога жизнь, — добавил он, — не выходите после темноты из дома, мисс Баринг. Ни в коем случае.

— Что за чушь! — вскричала я. — Почему это мне нельзя выходить после темноты из дома?

Видно было, что я его безумно раздражаю. — Потому, что это опасно, — бросил он. — И я прошу вас держаться подальше от дома Хеммондов. Надеюсь, у вас хватит мозгов прислушаться к моим словам.

Доктор Барклей ушел, хлопнув дверью, а я занялась дыркой на ковре — надо было ее как-то скрыть от мамы. Одна мысль о докторе Барклее приводила меня в остервенение. Я все еще не остыла, когда позвонил телефон. Это была Маргарет!

— Надо полагать, это тебе мы обязаны визитом поли-

ции, — сказала она. — Ну почему ты не хочешь оставить нас в покое? И так у нас горе, а тут еще ты.

— Хорошо, — ответила я, забыв об осторожности. — А теперь я тебе задам вопрос. Зачем ты вчера ездила к миссис Томпсон? И кто в нее стрелял?

У Маргарет как будто перехватило дыхание. И она тут же положила трубку.

Через полчаса посыльный из аптеки принес снотворное. Я отнесла таблетки на кухню и бросила их в печь. Анни с изумлением наблюдала мои действия. Она грела для мамы молоко и рассказала мне, что вчера вечером к ней приходила Клара, повариха Хеммондов.

— Говорит, что там творятся странные дела, — сообщила она. — Кто-то вчера вечером разжег топку, и в доме такая жара, что дышать нечем.

Я не обратила внимание на это сообщение. Я еще не пришла в себя после перебранки с доктором Барклеем. И тут я заметила, что Анни смотрит мне через плечо, обернулась и увидела Фреда. У него на лице была усталая извиняющаяся улыбка.

— Можно войти? — спросил он. — Я вышел погулять и увидел у вас свет.

Он выглядел немного лучше. Сказал, что Маргарет легла спать и в доме пусто и одиноко. Попросил Анни сварить ему кофе.

— Все равно я почти не сплю, — сказал он. — Никак не могу привыкнуть. И в доме такая жара. Я жег разные ненужные вещи.

Так вот кто разжег топку.

Я проводила Фреда до ворот и некоторое время смотрела ему вслед. Затем повернулась и пошла по подъездной дорожке обратно к дому. Вдруг в кустах раздался шорох, и я остановилась поглядеть в чем дело. Выстрела я не слышала, а почувствовала удар по голове и упала. В сознание я пришла у себя в постели. Голова у меня была забинтована и так болела, что все плыло перед глазами.

— Я же ее предупреждала, — каким-то полузадушенным голосом говорила мама. — И вы тоже сказали ей не выходить из дома после темноты. Но разве она кого-нибудь слушается!

— Что тут поделаешь, — раздался мужской голос. — Ваша дочь, миссис Баринг, очень упрямая особа.

Это был доктор Барклей. Когда я открыла глаза, он стоял возле моей постели. Видимо, у меня в голове все перепуталось, потому что я сказала ему слабым голосом:

— Вы дали мне пощечину.

— И что проку? — отозвался он. — Ну вот, полюбуйтесь на себя. Да еще вам повезло.

Тут я получше разглядела доктора Барклея. У него был очень странный вид. Один глаз заплыл, воротник оторван. Я глядела на него в изумлении.

— Что случилось? — проговорила я. — Вы подрались?

— Что-то вроде этого.

— А почему у меня забинтована голова?

— А это вам наказание за то, что вы не послушались совета врача.

Тут я припомнила шорох в кустах и удар по голове. Доктор Барклей взял мою руку и стал щупать пульс.

— Пуля содрала у вас кусок кожи на голове, — спокойно сказал он. — Мне пришлось состричь довольно много волос вокруг раны. — Услышав это, я ахнула от огорчения.

— Не горюйте. Конечно, это были красивые волосы, но они опять вырастут. Благодарите Бога, что вы живы.

— Кто это сделал? Кто в меня стрелял?

— Почтальон, кто же еще, — ответил он и к моему величайшему негодованию с этим вышел из комнаты.

Вскоре я заснула. Наверно, он дал мне снотворное. Во всяком случае, конец этой истории я услышала только на следующее утро. Доктор Барклей совершенно очаровал маму, и она не пускала его ко мне в комнату, пока поверх моего одеяла не положили наше самое красивое шелковое покрывало, а меня со всех сторон подоткнули крошечными подушечками. И все равно, посмотрев в зеркальце, я убедилась, что выгляжу ужасно. Вся голова у меня была забинтована, а лицо какого-то желто-серого цвета. Однако доктор Барклей как будто не обратил на это никакого внимания. Он вошел в комнату с широкой улыбкой на лице и весело сообщил мне, что на меня страшно смотреть. А у самого левый глаз запух до того, что совсем не открывался.

— Посмотрите на себя, — ответствовала я.

— Что, это? — спросил он, трогая заплывший глаз. — Вчера вечером ваша мама приложила к нему серебряный нож, а то было бы хуже. Да, ваша мама — человек с характером. Мы с ней совсем подружились.

Он попросил извинить его за такой растерзанный вид. Он еще не был дома, а всю ночь провел в полиции. И ему надо туда опять поехать, чтобы окончательно подбить бабки. На этом месте я взорвалась:

— Вы не выйдете из этой комнаты, пока не расскажете

мне, что произошло! У меня от одного любопытства поднялась температура.

Он положил руку мне на лоб.

— Никакой у вас нет температуры. Просто ваши детективные мозги закипают от перегрева. Ну, ладно. С какого места начинать?

— С почтальона.

Вот что он мне рассказал. Как-то весной Элинор пришла к нему на прием и рассказала странную историю. За ней повсюду таскается человек в форме почтальона. Сидит она в ресторане с приятелем, обедает — почтальон торчит за окном. Он попадает ей на глаза в самых несообразных местах. Все это звучало невероятно, но Элинор клялась, что это правда. И она была основательно напугана.

У меня в голове начало что-то проясняться.

— Вы хотите сказать, что это был тот самый человек, которого миссис Томпсон видела у вас в приемной?

— Она его уже опознала. Настоящий почтальон там тоже был, но раньше. Он видел миссис Хеммонд в кресле. Она читала журнал. Но он ушел до того, как пришла миссис Томпсон. А тот, которого она видела, — он-то и убил миссис Хеммонд.

Мне кажется, я догадалась, о ком идет речь, раньше, чем он мне сказал. Во всяком случае, у меня страшно заныло сердце.

— Это Фред, да?

— Да, это Фред Хеммонд. — Доктор Барклей взял меня за руку. — Это очень грустно, дорогая. Я очень беспокоился за миссис Хеммонд и пытался уговорить ее уехать. Но вы знаете, какой у нее был характер — она наотрез отказалась. А потом она еще надела на вечеринку платье с буквой «П», и это, видимо, послужило последней каплей.

— Не могу поверить, — проговорила я. — Он же ее обожал.

— Он помешался на этом обожании. Да, он ее любил. Но он боялся ее потерять. Ему казалось, что он ее уже теряет. И он дико ревновал. По-видимому, он больше всего ревновал ее ко мне, — сказал доктор Барклей со смущенным видом.

— Но если он ее действительно любил...

— От любви до ненависти — один шаг. Возможно, он считал, что она только тогда будет безраздельно его, когда она не сможет принадлежать кому-нибудь другому.

— И он ее убил?

— Он ее убил, — тихо сказал доктор Барклей. — Он

знал, что никто не обращает внимания на почтальона, и он зашел ко мне в приемную и...

Он встал и подошел к окну. Я села в постели. Голова у меня кружилась.

— Но он же сумасшедший, — проговорила я. — Таких не приговаривают к электрическому стулу.

— Его и не приговорят к электрическому стулу, — сдержанно ответил он. — Запомните, дорогая: ему лучше там, где он сейчас. Может быть, он уже нашел свою жену и обрел счастье. Я думаю, что он на это надеялся. — И доктор добавил после небольшой паузы: — Я вчера опоздал. Я схватил его, когда он выстрелил в вас, но он дрался как одержимый. Каким-то образом он сумел вырваться и тут же застрелился.

Доктор Барклей рассказал мне остальное. Сомнений в вине Фреда не было никаких. Миссис Томпсон опознала его по фотографии. Это он вошел в приемную и вскоре вышел — за несколько минут до того, как она услышала крик секретарши. Пуля, которая ранила миссис Томпсон, была из пистолета Фреда. А Маргарет — бедняжка Маргарет! — уже давно опасалась за его рассудок.

— Вчера, когда она узнала, что миссис Томпсон ранена, она пришла ко мне и просила, чтобы я устроил его в дом для душевнобольных. Но когда я сказал, что необходимо сообщить в полицию, с ней сделалась истерика. Да и вряд ли нам удалось бы доказать его вину. Форму почтальона он уничтожил, а миссис Томпсон, казалось, вот-вот умрет...

— Как он уничтожил форму?

— Он сжег ее в топке. Мы нашли там обгоревшие пуговицы.

— А почему он пытался убить миссис Томпсон? Что она знала?

— Она не только вспомнила, что в приемную заходил почтальон и что он вышел перед тем, как закричала мисс Камингс, она смогла его описать. Маргарет, вернувшись домой, обыскала комнаты и нашла почтальонскую форму — в сундуке на чердаке. Тогда у нее уже не осталось сомнений. Она заперлась у себя в комнате и стала думать, как ей быть. Но утром она сказала Фреду, что хочет навестить миссис Томпсон, и он, видимо, понял, что она нашла форму. Может быть, она положила вещи в сундуке не в том порядке. Но точно она ничего не знает — и я тоже. Мы только знаем, что вечером он уехал на машине и попытался убить главного свидетеля. Конечно, не считая вас.

— Не считая меня? — тупо переспросила я.

— Не считая вас, — сухо подтвердил доктор Барклей. Если вы помните, я пытался вас предупредить. Я пришел сюда с этой целью, а вы вышвырнули меня вон.

— Но почему меня? Он ко мне хорошо относился. Зачем ему было убивать меня?

— Потому что вы без конца ворошили это дело. Потому что вы представляли для него угрозу с той минуты, как заявили, что Элинора не покончила с собой, но была убита. И потому что вчера вечером вы позвонили Маргарет и спросили ее, зачем она ездила к миссис Томпсон и кто в нее стрелял.

— Вы думаете, он подслушивал?

— Я знаю, что он подслушивал. Сестры он не опасался. Он знал, что она скорее умрет, чем выдаст его полиции. А вы были все равно что ребенок с динамитной шашкой в руках. Взяли и выболтали свои подозрения! Вот тогда-то Маргарет и послала меня к вам, чтобы вас предупредить.

Мне стало очень стыдно.

Мне очень жаль, — виновато сказала я. — Видимо, я вела себя чрезвычайно глупо.

В незаплавшем глазу доктора Барклея загорелась веселая искра.

— Ну-ну, не так уж и глупо. Если бы не ваше упрямство, неизвестно, сумели бы мы найти убийцу. Хотя я не так уж люблю упрямых женщин. Мне больше нравятся нежные и покладистые

Тут я стала его спрашивать, что произошло вчера вечером. Ему явно не хотелось об этом говорить. Но в конце концов он признался, что следил за домом Хеммонда весь вечер и что, когда Фред пришел к нам на кухню через заднюю дверь, доктор Барклей ждал его поблизости. Но Фред, казалось, был спокоен. Он выпил кофе, закурил сигарету. А потом меня дернуло провожать его до ворот.

Черт бы вас побрал, прорычал доктор Барклей. — Как мне хотелось вас хорошенько отлупить!

Однако поначалу ему показалось, что все обойдется. Фред пошел по улице по направлению к своему дому, а доктор Барклей следовал за ним по другую сторону живой изгороди. Потом он на секунду потерял его из виду и понял, что Фред повернул назад. Он успел его схватить в ту самую минуту, когда Фред прицелился в меня из пистолета.

Вдруг у меня полились слезы. Как это все ужасно! Подкрашивающая у окна губы Элинора и подкраившийся к ней со спины Фред. Миссис Томпсон, присевшая на крылечке от-

дохнуть после трудового дня, и Фред, стреляющий в нее из кустов. И я сама...

Доктор Барклей достал из кармана грязный носовой платок и вытер мне слезы.

— Хватит реветь! — скомандовал он. — Все уже кончилось, а вы, Луиза Баринг, молодец, смелая девушка. Слезы вам совершенно не к лицу.

Доктор Барклей резко встал со стула.

— Хватит говорить об убийствах, — веселым голосом сказал он. — Вам нужно отдохнуть и прийти в себя. Я передаю вас в руки другого врача. Он скоро придет сделать вам перевязку.

— А вы не можете сделать мне перевязку?

— У меня другая специальность.

Я внимательно посмотрела на него. У него был совершенно измученный вид — весь в грязи, на щеках щетина и огромный черный синяк под глазом. Но это был большой, сильный, уравновешенный человек. За таким будешь чувствовать себя как за каменной стеной. Только вот нельзя будет ему рассказывать сны.

— Не знаю, почему вы отказываетесь меня лечить, сказала я. — Если уж мне суждено какое-то время быть лысой, я предпочла бы, чтобы это видели вы, а не кто-нибудь другой. В конце концов это ваших рук дело.

Он широко улыбнулся. Затем, к моему удивлению, наклонился и легонько поцеловал меня в щеку.

— Мне хотелось вас поцеловать с той самой минуты, как вы вышвырнули мне на стол губную помаду миссис Хеммонд. И, пожалуйста, во имя всего святого, хватит играть в сыщика — займитесь лучше отрачиванием волос. Потому что мне бы хотелось, чтобы с вами можно было поскорей показаться на людях.

Я подняла глаза и увидела в дверях маму. На лице ее сияла лучезарная улыбка.